

Автор назвал свой цикл стихотворений «Короткие рассказы». Подчёркнуто желание заземлить характер и настроение этих компактных повествований, выплеснутых чаще всего одним долгим периодом. «Рассказы» лишены всякого пафоса, намеренно нацелены на прозаические эпизоды и картины текущей жизни. Но в исполнении Славы Баширова проза жизни обретает все признаки настоящей поэзии.

Д. Ч.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

ВОЗВРАЩАЯСЬ ТУДА

На пороге помешкав, заходит, садится за стол,
Улыбается шуткам, что-то в ответ бормочет
пьёт одну за другой, позабыл, для чего пришёл,
хочет встать и уйти, но уже ничего не хочет,
у хозяина скучный, слегка отстранённый вид,
у хозяйки смуглые плечи обнажены красиво,
тот, что справа сидит, сердито, как шмель, гудит,
та, что слева, кричит и хохочет визгливо,
наступает приятное оупение, пустота,
выключаются звуки слабым усилием воли,
лишь с хрустальной люстры, как с леяного куста,
тихо капают таюшие в пустоте триоли.

Возвращаясь туда, где случались ещё чудеса,
обольщения приключались, порою слезились,
от мучительной прелести и неустройства глаза,
где казалась невыносимой жалость и милость,
где качается время, как маленький тёплый прибор,
истончается, мается пересыхающей струйкой,

где бессильные птицы садятся на берег пустой,
что встречается с жадной водою, перед разлукой,
где кончается время, итак, возвращаясь туда,
никогда не придёт уже возвращаться оттуда,
где качается, переливаясь через края, вода,
там ещё приключится последнее, совершенное чудо.

ПРОЕЗЖАЯ МИМО

В машине он слушает блюз «*Старый бандит*»,
не бьёт по газам, проезжая мимо её посёлка,
дорогая игрушка тихо и ровно гудит,
всё прошло и уже не болит, нисколько,
мимо этого поворота, ну что за вздор,
почему бандит и какого дьявола старый,
совершенно спокоен, нажимая кнопку *повтор*,
без конца может слушать эту сумрачную гитару,
это тёмное, обволакивающее легато в басах,
повторяющее всё время одну и ту же
фразу, рвущую душу, до рези в сухих глазах,
эта чёртова музыка изводит чёртову душу.

ПОД ШУМ ДОЖДЯ

Осенний дождь мышиним топотком
перебегал по крыше торопливо.
Она любила этот старый дом
и засыпала рядом с малышом
под шум дождя с улыбкою счастливой.
Вернувшись электричкой последней,
смотрел на них, любимых, в темноте
и думал: как, наверно, в этой бедной
бесцветной жизни тесно ей, победной,
такой нездешней, смелой красоте.
Спросил, когда проснулась: если бы
могло осуществиться всё, что снится,
чего бы ты просила у судьбы?
Сказала: дочку... хочешь по грибы
пойдем в субботу, если прояснится?

ВСЮ НОЧЬ

Сгорает детская ангина
в сорокаградусном бреду
бежит народец муравьиный
по антрацитовому льду
моргают розовые глазки
из чашки нежно-голубой
позвякивая, неваляшки
наваливаются гурьбой
свирепых клоунов веселье
их криворотый хохоток
на кособокой карусели
летит в дырявый потолок
там в нескончаемом полёте
сквозь одиночество и дождь
всю ледяную ночь колотит
неутихающая дрожь
там от звезды прекрасной самой
свет нестерпимый ножевой
и чернота и голос мамы
далёкий но ещё живой.

НИКТО НЕ УСЛЫШИТ

Ночи в пустыне особенно хороши,
после недавних терактов здесь ни души
на берегу осеннего, тёплого моря.
Светят звёзды величиной с кулак, тишина,
он совершенно умиротворён, она
почему-то знает, всё это кончится вскоре.

Днём они плавают, с аквалангом и без
в мелководном заливе, полном дивных чудес,
вечером занимаются сладостным far niente.
Он давно не чувствовал себя таким молодым,
нет ничего в этом мире, кроме песка и воды,
времени тоже нет, кроме этого вот момента.

Не хочется уезжать, но сегодня сильнее
чувствуется сладковатый запах, он с ней
не соглашается, говорит, это ей приснилось.

По вечерам становится даже немного свежо,
скоро приедет мальчик на древнем реугеот,
скажет, что ничего пока не случилось.

Ей под утро снятся тревожные сны,
видит его, окровавленного, всегда со спины,
не оборачиваясь, он говорит, уходи отсюда.
Она просыпается и оказывается одна
посреди ещё более неприятного сна
у красной скалы возле дохлого верблюда.

Не пересказывает этих снов, потому что он
в последнее время, кажется, слегка раздражён,
смотрит куда-то вдаль с отсутствующим видом.
Больше не говорит: если это последние дни,
надо ценить мгновения, поскольку они
дар, который нам незаслуженно выдан.

Скоро приедет мальчик или его отец
на своём верблюде, тогда, наконец,
это случится... наверное, что-то злое.
Долго не может заснуть, то почудится хруст
чьих-то шагов, то будто обломится куст
мёртвой акации, там за красной скалою.
Эти пустынные ночи, эта страшная грусть...
она кладёт его руку себе на грудь,
спрашивает: не спишь, он лежит, не дышит.
Женщина засыпает, и там, во сне, в глубине,
словно рыба в сети, в своей непонятной вине,
кричит беззвучное о... никто не услышит.

УЧИТЕЛЬ ТРУДА

О, сколько разуму пытливому
умений прививалось чудных,
искусство лобзиком выпиливать
там было не из самых трудных,
ведь было же еще паяние,
стругание и лакировка,
где несмотря на все старания,
не прививалась нам сноровка.

Труда бесплодного учитель
(давно уже, наверно, житель
миров иных), садист, мучитель
дантистов, клерков, программистов
(всё это в будущем, конечно),
был истеричен и неистов,
неутомимо, безуспешно,
из нас выстругивая нечто.

С кривой какой-то, искорёженной
башкою, выбритую чисто,
он был израненный, контуженный
(и заговаривался часто),
оскаленный губой простреленной,
за Родину, хрипел, за Сталина,
в которого он свято веровал
(и с демонами разговаривал).

Он будто слушал что не слышно,
мычал задушенно, кривлялся
(минуты две припадок длился),
безумие и взрослым страшно,
а детям бесконечно жутко,
и отвратительно, и стыдно
(подглядывать, конечно, гадко,
и вместе, жгуче любопытно).

Как будто в светлой ткани мира,
по виду крепкой и добротной,
внезапно открывались дыры,
откуда хлещет тьмой холодной
(и от неё укрыться нечем)
на бедных криворуких деток,
строителей косых скворечен
и хромоногих табуреток

ГРОЗА НАЧИНАЛАСЬ

Стояла весь день, колыхалась жара, от земли
плыла, поднималась и с неба спускалась волнами,
гроза начиналась, ворочалась где-то вдали,
катилась с огромной далёкой горы валунами,

слегка погромыхивая, всё никак не могла до нас докатиться, и мы, от жары обессилев, под деревом старым лежали в тени, ты спала, и мне показалось, а может, приснилось, спросила: *ты будешь...* потом неразборчиво, я не пойму сквозь морок дремотный, как будто из мира другого: *ты будешь всегда...* я не слышу, сквозь жаркую тьму, скажи это снова.

Повеяло вдруг холодком и сверкнуло, тотчас вблизи громыхнуло, и вздрогнуло, и покачнулось, и ты улыбнулась, ещё не открывшая глаз, ещё не проснулась, в объятьях моих потянулась. Когда убегала по склону, казалось, едва касалась босыми ногами тропинки, казалось, сбегая с тобою с холма, луговая трава лилась торопливо, тропинка в овраге терялась. Когда разразилось внезапно, и хлынуло враз, и лёгкое платье мгновенно тебя облепило, смеясь, оглянулась, молния взорвалась, меня ослепила.

СКВОЗЬ ПОЛУСОМКНУТЫЕ ВЕКИ

Луна висит над подворотней кривая, с флюсом на щеке, под ней осенний мир холодный лежит в сиротской нищете, собаки лают, человеки собачатся, дитя в окно сквозь полусомкнутые веки глядит на жёлтое пятно и в полусне полумечтает вдвоём с недоброю луной, мечтать и спать ему мешают дурные крики за стеной, летят куда-то ключья дыма, дома, заборы, косогор, за ним продрогший, нелюдимый, насквозь простуженный простор, и всё стихает, засыпает, песком засыпаны глаза, луна за облако вползает, сползает по щеке слеза, нет ничего страшнее двери закрытой, там стоят и ждут не люди, может быть, не звери, а *эти*, что в ночи живут, беззвучно вылезают корни, бесшумно падает листва, и копошатся в луже чёрной невидимые существа, ни шороха из тьмы не слышно, ни шёпота из пустоты, большие птицы неподвижно глядят сквозь голые кусты.

НА ПОСЛЕДНЮЮ ОСТАНОВКУ

Пожилой гуманоид в трениках и кроссовках на последнюю остановку прибегает трусцой, трезвым взглядом оценивает обстановку: всё пропало, просрочен его проездной, бесконечный ресурс беспечно растрочен, устаревшую модификацию нигде не ждут, исчезающий вечер сумеречно прозрачен, в голом парке мёртвые листья жгут, на центральной площади одиночества открывается дверь в ритуальный зал, уходящее эхом глухим доносится, полупризрачное истаивает из зеркал, темнота наползающая ложится на беспомощность медленной водой, исчезают слова: камень, дерево, птица, осыпается воздух сухой слюдой, наступает пора с собою расстаться, угасающий взгляд стирает миры, растворяет в виртуальном пространстве неизвестной этому миру игры.

СКОЛОПЕНДРЫ И САЛАМАНДРЫ

Мальчик с палкой в руке, так, на всякий случай, мало ли какой повстречается страшный враг, пробирается сквозь кустарник колючий вдоль ручья, убегающего в тёмный овраг. До чего же весело самому себе отдавать команды: налево-направо, стой, на месте, раз-два, под камнями живут сколопендры и саламандры, до чего же здорово кричать жутковатые эти слова. Хорошо, что взял перочинный ножик и спички, компаса, жалко, не было, он понимает вдруг, что давно не слышал пригородной электрички далёкий, такой приятный глухой перестук. Сам себе говорит: не страшно, три километра, даже если четыре, подумаешь, пять, надо только понять, саламандры и сколопендры, налево-направо, в какую сторону бежать? Конечно, герою, вооружённому мечом волшебным,

никакие чудища в диком лесу не страшны,
он идёт и стучит по камням и стволам замшелым,
по репьям и кустам, цепляющимся за штаны.
Из темноты глухого таинственного оврага
доносится тихий шорох и тонкий звон,
пахнет затхлою прелью и тянет влагой,
кажется, кто-то смотрит со всех сторон.

ДРОБНО ПО СТЫКАМ

В странной отключке, в тупой амнезии
едет, не знает, зачем и куда,
страшно колодки визжат тормозные,
дикая мимо несётся орда
встречного поезда, дробно по стыкам
с резкими, злобными пульсами в такт
гулко колёса колотятся, с криком
вдруг просыпается, что-то не так
в этом кино, в этом жутком вагоне,
потусторонний свет из окна,
грязный, убогий перрон станционный,
ржавые рельсы, гнилая стена
тянется, тянется мимо чего-то
жалко-родного, сквозь нищету,
запах мазута, тоски, креозота,
родиной юности пахнет в аду.

МАРЕВО

Льётся зыбкое марево полдня, слепя,
кто-то дико и дивно глядит на тебя,
неподвижно вперив немигающий взгляд,
только перья на кончиках крыльев дрожат,
это коршун парит над обрывом, застыв,
гипнотический взгляд прямо в душу вонзив,
помнишь, доктор вколол тебе барбитурат,
эти перья так страшно дрожат и дрожат,
всё стоит и стоит над душою, но вдруг
покачнулся и вычертил медленный круг,
и всё шире и шире, и взглядом слепым
провожая, душа улетает за ним,

на мгновенье такой полноты, пустоты,
словно ты это кто-то никто и не ты.

НАД СТЫЛОЙ ВОДОЙ

Наконец, засыпаешь, и снится,
что лежит и не дышит вода,
что над стылой водой не кружится,
но стоит неподвижная птица,
просыпаешься снова туда,

где угрюмо чернеет запруда,
где вода не течёт, вопреки
безнадежной надежде на чудо,
но чернеет булыжников гряда
поперёк этой мёртвой реки,

засыпаешь с мечтою пробиться
сквозь завалы, вернуться назад,
просыпаешься, снится и снится
эта птица, когтистая птица,
этот взгляд, немигающий взгляд,

засыпаешь, летишь, засыпая
над свинцовой, студёной водой,
и всё та же глухая, тупая
боль саднящая, не отпускающая,
просыпается вместе с тобой,

улетаешь в закат розоватый,
в засыпающий тающий свет,
где уже ни пути, ни возврата,
ни раскаяния, ни расплаты,
ни вины, ни прощенья нет.